

Нижнегородский биржевый листок.

1891. 17 февраля. № 40.

с. 3.

ТЕАТРЪ И ЗРѢЛИЩА.

Въ пятницу, 15 февраля, въ городскомъ театрѣ состоялся бенефисъ г-жи Златогорской. Не смотря на видимое разнообразіе программы спектакля, послѣдній не отличался особеннымъ интересомъ: причиной этому послужилъ неудачный выборъ пьесъ, изъ которыхъ только первая оказалась очень умно и мало написанной вѣщицей, да и то многое потеряла при ея неособенно выдающемся исполненіи. Мы говоримъ о «Лебединой пѣснѣ» г. Чехова. Какъ произведение еще молодого неоперившагося автора, она носитъ на себѣ отпечатки довольно крупныхъ недостатковъ, но въ общемъ, при условіи хорошаго исполненія, она можетъ произвести на зрителя сильное впечатлѣніе: въ ней не мало сильныхъ мѣстъ, полныхъ талантливости и оригинальности; но эти-то мимолетныя черты требуютъ отъ актера особенно обдуманной игры. «Лебединая пѣснь» г. Чехова—монологъ: въ немъ одно дѣйствующее лицо, и нѣтъ того оживленія, какое имѣется въ обыкновенныхъ пьесахъ между нѣсколькими дѣйствующими лицами, постоянно, какъ въ калейдоскопѣ, то появляющимися, то исчезающими передъ зрителями. Чтобы поддержать вниманіе зрителей въ состояніи напряженія во все время монолога, авторъ даетъ актеру возможность показать себя во всеоружіи мимическихъ средствъ и жестикуляціи, но онъ не указываетъ ему, гдѣ именно слѣдуетъ прибѣгать къ этимъ средствамъ, предоставляя это таланту и находчивости исполнителя. Въ подобныя условія поставилъ себя г. Щукинъ, взявшись за монологъ Свѣтовзорова. Что-же вышло?—То, что самыя выдающіяся мѣста монолога актеръ обозначилъ однимъ старческимъ трясеніемъ головы; мимическихъ выраженій душевнаго настроенія изображаемаго лица г. Щукинъ не проявилъ никакихъ; его рѣчь, и такъ не довольно громкая, мѣстами вовсе не была слышна, отчего добрая половина монолога пропала для зрителя. Скажемъ въ заключеніе, что для чтенія монолога г. Чехова нуженъ сильный драматическій талантъ, даже болѣе—первоклассный; въ монологѣ Свѣтовзорову приходится читать изъ классиковъ отрывки, требующіе трагизма въ исполнителѣ, нужна мощь и сила въ каждой фразѣ. Повѣрно, ничего этого въ г. Щукинѣ нѣтъ.

Вторая пьеса, шедшая въ бенефисъ г-жи Златогорской, трехактная комедія Мельяка

и Галеви «Тигренокъ» стносится къ числу тѣхъ иноземныхъ растеній, которыя будучи пересажены въ чуждую имъ русскую почву и не привившись на ней, поражаютъ своей неестественностью, натянутостью и часто поливѣйшимъ отсутствіемъ правдоподобности. Въ «Тигренкѣ» дѣйствіе до того лишено смысла и реальной подкладки, что невольно возникаетъ сомнѣніе, что это плодъ недозрѣлой фантазіи, или насмѣшка надъ публикой? Содержаніе пьесы не сложно, но, простите, мѣстами даже глуповато и рассчитывается какъ бы на слѣпоту зрителей. У княгини Зарѣцкой есть племянница; гдѣ она, чѣмъ существуетъ—этого никто не знаетъ. И вдругъ княгинѣ приходитъ въ мысль найти во что бы то ни стало эту племянницу, воспитать ее въ началахъ аристократическихъ правилъ и выдать замужъ за какого-нибудь графа или князя. Таня, племянница княгини, отыскивается какъ-то случайно, неожиданно, непостижимо для зрителей, въ одномъ изъ загородныхъ трактировъ; оказывается, что Таня въ своемъ родѣ знаменитость, она—первый запѣвалъ въ цыганскомъ хорѣ. Вдоверенная въ княжескомъ домѣ, дѣвушка подвергается строгому искусу, но послѣдній не оказываетъ на нее ровно никакого вліянія; она была цыганкой—ей и осталась. Она бѣгаетъ къ цыганамъ, бьетъ своихъ знакомыхъ чѣмъ ни попало, ведетъ съ княгиней диспуты о «дѣломъ бѣсѣ», влюбляется въ художника, убѣгаетъ къ нему одна и заставляетъ его жениться на ней. Надо быть вторымъ Колумбомъ, чтобы открыть во всемъ этомъ вздорѣ хоть искру смысла! Роль Тани исполняла бенефициантка. Она сдѣлала все, что было въ ея силахъ; не провалила своей роли, дала изображаемому лицу подобіе челоуѣка—и только. Большаго было бы грѣхъ спрашивать, въ виду той невообразимой галиматья, какой полна эта странная неестественная роль. Изъ числа прочихъ исполнителей былъ хорошъ г. Торцовъ, съ всегда свойственнымъ этому артисту неподдѣльнымъ юморомъ, проведшій свою роль князя Зарѣцкаго, полусумасшедшаго, полудюда. Г-нъ Калмыковъ своимъ художественнымъ исполненіемъ роли Кругозорова только еще болѣе отбѣилъ всю несостоятельность пьесы. Исполнители были награждены послѣ каждого акта шуточными аплодисментами.

Зритель.